

Стратегическая культура Индии и Пакистана и её влияние на наименования вооружения и военной техники

© Голубцова Е.В.^a, 2023

^a Военный университет Министерства обороны РФ
им. князя А. Невского, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4919-3611; ekaterinasalupenko6@gmail.com

Резюме. В современном мире среди специалистов в области международных отношений большую популярность приобрела концепция *стратегической культуры*, которая подразумевает, что каждому народу присуще уникальное стратегическое мышление, определяющее характерные для конкретной страны варианты восприятия и решения проблем, связанных с национальной безопасностью и применением военной силы.

Сведения о новых единицах вооружения и боевой техники активно освещаются в СМИ, выбору «прозвищных» названий для оружия уделяется повышенное внимание, их можно рассматривать как некое послание, в котором отражены намерения и цели внешней политики страны. В связи с этим название оружия способно частично отражать стратегическое мышление различных народов.

Так, наименования боевой техники Пакистана подтверждают особую важность индийского направления, демонстрируют стремление руководства акцентировать духовную близость Пакистана со странами мусульманского мира. В названиях индийского оружия отсутствует намек на противостояние с конкретной страной. Его создатели, вдохновляясь домусульманским периодом истории, национальной культурой и религиозно-философскими течениями Индии, стремились передать независимый и преимущественно нейтральный посыл внешней политики.

Ключевые слова: стратегическая культура, внешняя политика, Пакистан, Индия, вооружение и боевая техника

Для цитирования: Голубцова Е.В. Стратегическая культура Индии и Пакистана и её влияние на наименования вооружения и военной техники. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 9. С. 19–26. DOI: 10.31857/S032150750024403-5

Strategic Culture of India and Pakistan and Its Influence on Weapon Names

© Ekaterina V. Golubtsova^a, 2023

^a The Prince Alexander Nevsky Military University,
Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4919-3611; ekaterinasalupenko6@gmail.com

Abstract. Nowadays the concept of strategic culture implying that every country has a special way of strategic thinking that reflects its options for dealing with threats and the use of military force has become very popular among specialists in the field of international relations. Usually, the main exponent of the strategic culture is the ruling elite, which determines both domestic and foreign policy. Recently, it has given much attention to the choice of weapon's name. Information about new weapons is widely covered by the media. The choice of names can partly reflect the strategic thinking of a particular country.

For example, the names of Pakistani weapons indicate its orientation against India, demonstrate the desire of its leadership to mark distance between the two countries and emphasize spiritual affinity of Pakistan with the Islamic countries.

At the same time, there is no hint of a confrontation with a particular country in the names of Indian weapon. Its creators inspired by pre-Islamic period of history, culture, religious and philosophical ideas of India sought to convey independent and neutral message of its foreign policy.

Keywords: strategic culture, foreign policy, Pakistan, India, weapon

For citation: Golubtsova E.V. Strategic Culture of India and Pakistan and Its Influence on Weapon Names. *Asia and Africa today*. 2023. № 9. Pp. 19–26. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024403-5

ВВЕДЕНИЕ

«Стратегическая культура» – термин, имеющий разнообразные трактовки. Наиболее емкое определение сформулировал американский специалист по международным отношениям А.И.Джонстон, который понимал под стратегической культурой некую систему символов (способов аргументации, аналогий, метафор), формирующих представления о роли и эффективности военной силы в межгосударственных отношениях. По его мнению, именно она определяет долговременное стратегическое мышление. Прослеживается стратегическая культура главным образом в СМИ, речах и высказываниях руководства страны [9, с. 33–34].

Дополняет это определение формулировка пакистанского политолога и военного аналитика Хасана-Аскари Ризви. В его понимании стратегическая культура – это сумма норм, ценностей и исторического опыта правящих слоев государства, которые формируют сознание нынешнего руководства, позволяют ему интерпретировать вопросы, связанные с национальной безопасностью, а также способствуют принятию решений по устранению внешних угроз. По мнению исследователя, стратегическая культура формирует мышление, закладывающее основы восприятия других стран правящим слоем [12].

СПЕЦИФИКА СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ПАКИСТАНЦЕВ

Стратегическое мышление пакистанцев неразрывно связано с конфликтом с Индией и в меньшей степени с Афганистаном. Решающий вклад в его формирование привнесли события конца 1940-х гг.

Среди ключевых моментов, определивших стратегическую культуру Пакистана, можно выделить трудности раздела Британской Индии в 1947 г., связанные, в частности, с дележом «колониального наследства», которое включало финансы, экономические предприятия, инфраструктуру, речные ресурсы, а также вооруженные силы. Процесс осложнился задержками со стороны Индии в возмещении Пакистану в полном объеме военного имущества и спором вокруг территориальной принадлежности ряда княжеств. Большой отпечаток на стратегическом мышлении пакистанцев оставили массовые столкновения на почве религии, сопровождавшие раздел 1947 г. По мнению Х.-А. Ризви, перечисленные факторы способствовали зарождению у пакистанского руководства недоверия к индийским коллегам [12, с. 309].

На стратегическое мышление пакистанцев повлияли также и другие факторы – сомнение лидеров индийского национально-освободительного движения по поводу жизнеспособности Пакистана [4, с. 425]; специфика традиционной расстановки политических сил в Пакистане и чрезмерная роль армейского аппарата, для которого характерно преимущественно настороженное отношение к Индии; нежелание Пакистана выступать в роли «младшего брата» Индии, позиционирующей себя в качестве гегемона в Южной Азии.

Ситуацию омрачало превосходство Индии в военном плане и отсутствие естественных границ между двумя доминионами, что делало Пакистан «легкой мишенью» для соседнего государства в случае войны. Пакистанская сторона начала опасаться лидерских амбиций Индии. Основанием для нового витка напряженности между двумя странами послужили ядерные испытания Индии в 1974 г., которые подтолкнули Пакистан к разработке собственной военной ядерной программы.

Исследователь Х.-А.Ризви отмечает, что пакистанское руководство, осознавая невозможность достижения военного паритета с Индией, прилагало немало усилий, чтобы у Пакистана появился военный потенциал, позволяющий ему хотя бы эффективно противостоять индийской армии в военных конфликтах [12, с. 309].

Кроме того, в связи с серьезной нехваткой профессиональных командных кадров, а также слабым техническим оснащением на первых порах после обретения Пакистаном независимости особую тревогу у руководства страны вызывала спорная граница с Афганистаном (установленная в 1983 г. «линия Дюранда») и его претензии на населенную пуштунами пакистанскую Северо-Западную пограничную провинцию (с 2010 г. – Хайбер-Пахтунхва), осуществление полного контроля над которой затруднено из-за гористой местности [12, с. 311].

Отсутствие договоренностей Пакистана с Индией и Афганистаном оказало большое влияние на определение его внешней политики, послужив решающим фактором для присоединения к проамерикан-

скому лагерю¹. Если Индия пошла по пути неприсоединения к военным блокам, а поддержание нейтралитета стало основным принципом её внешней политики, то Пакистан избрал путь участия в военных союзах.

Индийское и афганское направление неизменно остаются важнейшими для Пакистана. Профессор В.Я.Белокреницкий выделяет несколько этапов в трансформации внешней политики страны. Первый охватывает период с 1947 г. до начала войны в Афганистане в конце 1970-х гг., когда приоритет во внешней политике Пакистана отдавался исключительно индийскому направлению. Вместе с тем второй и третий этапы характерны повышенным вниманием Пакистана к событиям в Афганистане и его стремлением повысить свою значимость на международной арене, в частности, в борьбе с терроризмом в роли прифронтового государства [1, с. 179]. Это не способствовало снижению важности Индии. Заинтересованность Пакистана в извлечении выгоды из конфликта в Афганистане, например приход к власти режима талибов² и создание «стратегической глубины»³ [6, р. 32], а также использование мусульманских экстремистов для дестабилизации обстановки в Джамму и Кашмире, так или иначе связана с его опасениями, касающимися Индии.

Кроме того, значительный вклад в складывание стратегической культуры Пакистана внесла «теория двух наций», подразумевающая, что индийский национализм основывается на индуизме, в то время как пакистанский – на исламе. Поэтому национальные СМИ, а также политические и военные деятели нередко противопоставляли две религии, акцентируя различия между мусульманской и индуистской цивилизациями.

Для руководства Пакистана особенно важно было подчеркнуть, что главной составляющей национальной идентичности является ислам, поскольку лидеры мусульманских стран Ближнего Востока и Северной Африки изначально с недоверием относились к Пакистану, не считая его «полноценной» мусульманской страной [14, р. 38].

Духу «теории двух наций» отвечает и стремление пакистанского руководства обладать Кашмиром, большую часть населения которого составляют мусульмане. Таким образом, Кашмир считается важным не только со стратегической, экономической, географической, но и с идеологической точки зрения. Пакистан нередко становился инициатором вооруженных столкновений с Индией в Кашмире [12, с. 309].

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ИНДИИ

Ситуация вокруг стратегической культуры Индии не столь однозначна – относительно её характеристики в научных кругах ведутся споры. Попытку проанализировать её одним из первых предпринял американец, доктор политических и исторических наук Джордж Тэнхэм. По его мнению, для индийцев не характерна долгая традиция ярко выраженного стратегического мышления ввиду фрагментарности государственных образований, веками соседствовавших друг с другом на субконтиненте, отсутствия привычки письменной фиксации некоторых исторических событий, а также незаинтересованности большей части индийцев в собственной истории на протяжении долгого времени. Первыми теоретиками стратегической культуры Индии, по его мнению, можно считать премьер-министров Дж.Неру и Индиру Ганди [15].

Вместе с тем ряд исследователей не согласен с мнением американского ученого. Так, индийский специалист в области международных отношений Нандкишор Кумар указывает, что стратегическое мышление индийцев начало формироваться еще в древности, и большое влияние на него оказали древнеиндийский сборник права «Ману-смирти», политический трактат «Артхашастра», автором которого

¹ В 1954–1955 гг. Пакистан подписал соглашение о вступлении в Организацию договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) и о присоединении к Багдадскому пакту, который позже был переименован в Организацию центрального договора (СЕНТО) (прим. авт.).

² Талибы – участники исламистского движения «Талибан» в Афганистане, возникшего в 1990-е гг. в среде пуштунов, наиболее многочисленной этнической группы страны. В середине 1990-х гг. талибы возглавляли Афганистан. В августе 2021 г. вновь пришли к власти (прим. авт.).

³ «Стратегическая глубина» – термин, которым принято называть расстояние между важнейшими со стратегической точки зрения объектами (военные базы, населенные пункты, экономические объекты и т.д.) страны и территорией её противника (прим. авт.).

принято считать Каутилью, советника правителя Чандрагупты Маурьи (321–297 гг. до н.э.), древнеиндийские эпосы «Рамаяна» и «Махабхарата». Среди трудов, повлиявших на стратегическое мышление индийцев, также выделяют Веды [11].

Определенное значение для стратегического мышления индийцев имело учение Махатмы Ганди, которое апеллировало к принципу ненасилия (*ахимсе*) и призывало бороться за свободу от британского правления ненасильственными способами. Для Ганди приоритетным являлся, прежде всего, мирный подход к разрешению международных конфликтов. Его воззрения основывались на идеях индуизма, буддизма, джайнизма и других религиозно-философских течениях Индии, в основу которых был положен принцип терпимости, стремление к примирению сторон, духовность и равенство [11]. Таким образом, благодаря влиянию Ганди мирное сосуществование и сохранение нейтралитета на долгое время стали неотъемлемыми составляющими внешней политики Индии.

В 1950-х гг. большой вклад в формирование стратегического мышления индийцев внес Неру. За годы руководства страной он неоднократно подчеркивал, что Индия выступает против любого появления агрессии, расизма, колониализма и гонки вооружений. Важнейшими задачами Индии объявлялись укрепление позиций в Южной Азии и недопущение иностранного вмешательства в дела региона, расширение связей с развивающимися странами, а также установление контактов с СССР и США при сохранении нейтралитета в конфликте между ними⁴. Одним из показателей воплощения указанных целей стало включение Индии в Движение неприсоединения (ДН), созданное в 1961 г. на конференции в г. Белград. Идеологическая основа ДН определялась принципами «*панча шила*»⁵, которые также оказали значительное влияние на стратегическое мышление индийцев.

После распада Советского Союза в 1991 г. и последовавшего разрушения биполярного мироустройства снизилась роль Движения неприсоединения как организации, большинство членов которой отказывалось принимать участие в холодной войне на стороне одного из противоборствующих блоков [3, с. 195–196].

Кроме того, в Индии в 1990-х гг. произошли серьезные изменения во внутривнутриполитической жизни: закончилась монополия на власть партии Индийский национальный конгресс, лидеры которой руководствовались идеями Ганди и Неру. У руля управления государством оказывались разные силы, в т.ч. проиндусская партия Бхаратия джаната парти (БДП) в 1996 и в 1998–2004 гг. В 2014 г. она вновь вернулась к власти, а её лидер Нарендра Моди стал новым премьер-министром.

Таким образом, подходы Ганди и Неру к выстраиванию международных отношений, которые индийские специалисты в области внешней политики (Баджпай Канти, Рахул Санти) называли «идеалистическим» и «прагматическим», сменились новым – «националистическим» [5, с. 21].

При управлении страной Моди опирается на идеологию *хиндутвы*. Термин «хиндутва» впервые был введен в оборот Винайком Дамодаром Саваркар. В его интерпретации этот термин означает «индусность» или «принадлежность к территории Хиндустана» [5, с. 22]. Определение «хиндутвы» неоднократно уточнялось и по-разному трактовалось. В самом общем виде хиндутва – это идеология индусского национализма, провозглашающая индусов главной нацией Индии. Хиндутва также подразумевает приоритет национальной культуры над привнесенными извне ценностями.

Зарождение этой идеологии приходится на первую половину XX в., для которой характерен всплеск вражды между индусами и мусульманами Британской Индии, порой приводивший к вооруженным столкновениям. Вместе с тем в свете популярности Ганди, а затем Неру политические силы, верные идеям хиндутвы, на несколько десятилетий оказались на периферии политической жизни. Очередной рост популярности этой идеологии пришелся на 1980-е гг. как ответ на вестернизацию и подъем исламского радикализма в сопредельных Индии странах. Одним из итогов следования БДП политике в духе хиндутвы, в частности, стало заметное ужесточение политики по отношению к индийским мусульманам⁶.

⁴ При этом на протяжении десятилетий среди индийской элиты не утихали споры, какому из двух лагерей (социалистическому или капиталистическому) стоит отдать предпочтение (*прим. авт.*).

⁵ «Пять принципов мирного сосуществования» – взаимное уважение территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование (*прим. авт.*).

⁶ Среди примеров мер, негативно сказавшихся на интересах мусульман, можно привести закон о гражданстве 2019 г., согласно которому мусульманам Пакистана, Бангладеш и Афганистана, мигрировавшим в Индию, не будет предоставлено индийское гражданство, а также ликвидацию в августе 2019 г. ст. № 370 Конституции об автономии индийского штата Джамму

Главные идеологи хиндутвы – В.Д.Саваркар и Мадхав С.Голваркар критиковали учение Ганди о ненасилии. М.С.Голвалкар, например, считал, что ненасилие, привычка стыдиться силы – это слабость, которая подрывает «боевой дух» нации и негативно влияет на её положение на международной арене [13, р. 248].

Некоторая воинственность М.С. Голвалкара отчасти повлияла на современную манеру индийского руководства выстраивать отношения с другими странами. Так, Моди присущи большая настойчивость при отстаивании национальных интересов, ужесточение риторики по отношению к Китаю и Пакистану, которые считаются «главными» геополитическими «противниками», стремление превратить Индию в одного из главенствующих игроков не только в Южной Азии, но и на международной арене. Важнейшей задачей также стало сближение Индии с ведущими державами, в частности США, ради привлечения инвестиций в индийскую экономику с целью её дальнейшего развития.

Вместе с тем, несмотря на некоторые изменения в приоритетах внешней политики Индии, едва ли можно констатировать кардинальную смену внешнеполитического курса и полный отход от принципов неприсоединения и нейтралитета. При этом нейтралитет в трактовке нынешнего лидера Индии вовсе не означает проведение пассивной политики. Принцип нейтралитета подразумевает принятие решений, ставящих во главу угла, прежде всего, национальные интересы.

Проанализировав различные точки зрения, можно подвести итог, что стратегическая культура Индии сложилась под влиянием следующих факторов – религиозно-философская традиция; особенности географического положения (во многом обусловившие фрагментарность государственных образований на Индостане); передача британской короне функции прямого управления Индией в 1858 г., консолидировавшего индийское общество; воззрения М.Ганди и Дж.Неру, видных деятелей национально-освободительного движения; идеи хиндутвы.

СПЕЦИФИКА НАЗВАНИЙ ВООРУЖЕНИЯ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ ПАКИСТАНА

Как отмечалось выше, по мнению таких исследователей, как А.И. Джонстон, а также Х.-А.Ризви, стратегическое мышление прослеживается в словах и действиях непосредственно государственных деятелей. Поскольку в подавляющем большинстве случаев именно с руководящими лицами согласуются наименования оружия, их можно рассматривать как некое послание, в котором отражены намерения и цели внешней политики той или иной страны. Таким образом, наименования средств ведения боевых действий способны частично отражать их стратегическое мышление.

В целом освещение СМИ новинок вооружения и боевой техники, их тактико-технических характеристик в последние годы стало распространенной мировой практикой. Это нередко обусловлено стремлением руководства той или иной страны оказать эмоциональное воздействие или даже «напугать» потенциальных противников. Буквенно-цифровая комбинация в названиях оружия, как правило, сложна для восприятия неспециалистами. Указанные экстралингвистические факторы способствовали доминированию в названиях вооружения и боевой техники «именного элемента» [2, с. 306]. Это обстоятельство привело к тому, что сегодня выбору «прозвищных» названий для оружия уделяется повышенное внимание.

Рассмотрим влияние стратегического мышления на выбор наименований для оружия Индии и Пакистана, конфликт между которыми является одним из самых продолжительных в новейшей истории. Индийско-пакистанские разногласия послужили причиной четырех войн (1948–1949, 1965, 1971 и 1999 гг.), а также многочисленных перестрелок между пограничными войсками. Кроме того, обе страны сталкиваются и с другими вызовами национальной безопасности.

Прежде всего, речь идет о территориальных разногласиях между Индией и Китаем, что привело к войне в 1962 г. и стало причиной вооруженных инцидентов между двумя странами, например, в 1967, 1987, 2017 и 2020 гг., напряженных отношениях между Пакистаном и Афганистаном, а также террористической угрозе, на протяжении десятилетий дестабилизирующей обстановку в странах Южной Азии.

и Кашмир. Эта статья признавала особый статус гражданина штата – только коренные жители имели право владеть недвижимостью. Это предотвращало «размытие» коренного населения, преимущественно мусульманского, людьми из других штатов Индии. Самого Н.Моди обвиняют в «поддержке» антимусульманских погромов в индийском штате Гуджарат в 2002 г., поскольку на тот период он занимал пост главного министра штата (*прим. авт.*).

В связи с этим Индия и Пакистан уделяют повышенное внимание развитию военно-технического потенциала, совершенствованию и созданию новых средств ведения вооруженной борьбы.

Среди пакистанского оружия можно выделить отдельные ракеты и семейства ракет, в названиях которых фигурируют антропонимы (имена собственные), а именно – имена мусульманских правителей и полководцев. Например, баллистические ракеты малой дальности «*Ghaznavi*» (официальное кодовое название – *Hatf-III*) и средней дальности «*Ghauri*» (*Hatf-V*), крылатые ракеты наземного базирования «*Babur*» (*Babur-I* или *Hatf-VII*, *Babur-I(B)*, *Babur-III*), ракетный комплекс «*Abdali*» (*Hatf-II*).

Семейство ракет «*Ghaznavi*» получило свое название в честь Махмуда Газневида, мусульманского правителя государства Газневидов (998–1030 гг.), который фактически ежегодно совершал грабительские набеги на Индию. Название ракет «*Ghauri*» призвано отметить деятельность правителя Мухаммада Гури, в XII в. предпринявшего серию не только грабительских, но и завоевательных походов на Индию. В 1206 г. его сподвижник Кутб-уд-Дин Айбек стал правителем Делийского султаната, первого государственного образования на территории Северной Индии с мусульманской династией во главе.

Семейство ракет «*Babur*» названо в честь основателя другой мусульманской правящей династии в Индии – Моголов. В названии ракетного комплекса «*Abdali*» запечатлено имя Ахмада-шаха Дуррани или Ахмада-шаха Абдали, основателя Дурранийской империи, который в XVIII в. предпринял ряд военных кампаний против Индии.

Кроме того, с начала 2010-х гг. в Интернете появилась информация, что пакистанские ученые трудятся над созданием межконтинентальной баллистической ракеты с дальностью действия около 7000 км «*Taimur*». Предполагается, что она будет названа в честь правителя из Средней Азии – Тимура (или Тамерлана), в 1398 г. совершившего поход на Дели, в результате которого город был разграблен и сожжен. Вместе с тем отсутствуют какие-либо убедительные доказательства, что пакистанская сторона действительно занимается разработкой этого вида ракет [10].

Основные боевые танки серии «*Al-Khalid*» названы в честь Халида ибн аль-Валида, а танк третьего поколения «*Al-Zarrar*» – в честь Дирара ибн аль-Азвара. Оба деятеля были полководцами и соратниками пророка Мухаммеда. Имя в честь другого сподвижника Мухаммада, Тальхи ибн Убайдуллаха, получил бронетранспортер (БТР) «*Talha*» [8]. Вероятно, БТР «*Saad*» также назван именем близкого соратника пророка, предположительно, Саада ибн Абу Ваккаса.

Название бронетехники отсылает нас к религиозному аспекту. Вместе с тем влияние ислама на номинацию средств ведения вооруженной борьбы не ограничивается заимствованием имен конкретных исторических личностей. В наименованиях некоторых единиц военной техники и вооружения также присутствуют отсылки к религиозным символам. Так, упоминавшееся выше официальное кодовое название ракет «*Hatf*», а также обозначение фрегата «*Zulfiqar*» были даны в честь названия двух мечей Мухаммеда – «Хатф» и «Зульфикар» соответственно [8].

К другой группе наименований можно отнести зоонимы⁷, отраженные в названиях баллистической ракеты «*Ababeel*» (в пер. с персидского – «воробей»), а также семейство ракет «*Shaheen*» (перс. – «орел»); имена, передающие национально-культурную специфику, например, фрегат «*Shamsheer*» (перс. – «коготь льва»), названный в честь персидской сабли; наименования-метафоры, призванные подчеркнуть свойство того или иного вида оружия или боевой техники, например, фрегат «*Saif*» (араб. – «меч») или ракета с лазерным наведением «*Barq*» (араб./перс. – «молния»); громкие названия, напоминающие о цели пакистанской армии, как у баллистической ракеты малой дальности «*Nasr*» (араб. – «победа»).

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ НАИМЕНОВАНИЯ ИНДИЙСКОГО ОРУЖИЯ

Отдавая предпочтение названиям на персидском и арабском языках, Пакистан намеренно подчеркивает близость к странам мусульманского мира и дистанцируется от общего исторического опыта с Индией, значительная часть оружия которой носит названия на санскрите или хинди.

Примерами таких наименований могут служить семейства баллистических ракет «*Agni*» (санскрит – «огонь») и «*Prithvi*» (санскрит – «земля»), винтовки «*Vidhwansak*» (санскрит – «разрушитель»), крыла-

⁷ Зооним – существительное, обозначающее какое-либо животное (прим. авт.).

тая ракета «*Nirbhay*» (хинди – «бесстрашный»), гиперзвуковая тактическая ракета «*Shaurya*» (санскрит – «храбрость»), а также зенитный ракетный комплекс (ЗРК) «*Akash*» (хинди – «небо»).

Некоторые названия отсылают нас к прямому назначению вооружения и военной техники. Так, ракеты «*Prithvi*» относятся к классу «земля-земля», предназначение ЗРК «*Akash*» – обеспечение противовоздушной обороны, а названия огнестрельного оружия «*Vidhwansak*», крылатой ракеты «*Nirbhay*» и тактической ракеты «*Shaurya*» явно призваны подчеркнуть их смертоносный и разрушительный характер.

Название же семейства ракет «*Agni*» можно трактовать двояко. С одной стороны, оно отсылает нас к огненной стихии. С другой стороны, Агни – имя древнеиндийского бога огня. Еще одним примером названия, содержащего религиозный аспект, является санскритское наименование ракеты «*Trishul*». В индуистской мифологии тришула (трезубец) – важнейший атрибут бога Шивы, означающий его тройственную природу создателя, хранителя и разрушителя. Наименование индийского противотанкового ракетного комплекса «*Nag*» (санскрит – «кобра» или «змея») также связано с индуистской мифологией. Наги – существа, наполовину люди, наполовину змеи, являются олицетворением мудрости. Модификация южнокорейской самоходной артиллерийской установки (гаубицы) «*K-9 Thunder*» в Индии получила название «*K-90 Vajra-T*», где ваджра – санскритское название оружия древнеиндийского бога войны Индры. Другая индийская гаубица получила имя «*Dhanush*» (санскрит – «лук»), а артиллерийская пушка – «*Sharang*» в честь лука бога Вишну.

В отдельную категорию можно выделить вооружение и боевую технику, в названиях которых встречаются антропонимы. Например, танки «*Arjun*» и «*Bhishma*», названные в честь героев древнеиндийского санскритского эпоса «Махабхарата»; авианосец «*Vikramaditya*», получивший имя легендарного царя, чье царствование в Северной Индии приходится ориентировочно на VI в. до н.э.

Кроме того, для индийских наименований оружия характерно использование топонимов (названий природных объектов). Например, в наименовании крылатой ракеты «*BrahMos*» зашифрованы имена рек Индии и России – Брахмапутры и Москвы. В честь р. Брахмапутра свое имя получил и тип фрегатов, стоящих на вооружении индийских военно-морских сил. Многочисленные классы военных кораблей также названы именами индийских городов, например, типы миноносцев «*Delhi*», «*Kolkata*», «*Visakhapatnam*».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На наш взгляд, отсутствие сходства в подходе к присвоению имен вооружению и военной технике отражает разные приоритеты во внешней политике и разное восприятие угроз у Индии и Пакистана, что, в свою очередь, зависит от их стратегического мышления.

Главным источником вдохновения при выборе названий для пакистанского оружия стала вражда с Индией, противостояние индусов и мусульман, а также духовная близость к другим странам исламского мира.

Поскольку все исторические персоналии, чьи имена были выбраны в качестве наименований ракет, известны военными кампаниями против Индии, нередко завершавшимися захватом значительной части её территории, логично было бы предположить, что пакистанское руководство намеренно остановило на них свой выбор. Вероятно, оно стремится оказать «психологическое воздействие» на своего противника, а также акцентировать мощь пакистанского оружия, которое по аналогии с перечисленными выше историческими деятелями способно «нанести поражение» Индии.

Кроме того, такие деятели, как М. Газневид, М. Гури, Бабур сыграли важную роль в распространении ислама в Южной Азии, поэтому выбор их имен в качестве названия ракет можно трактовать как стремление Пакистана подчеркнуть свою роль оплота ислама в регионе в целом и тем самым обозначить связь с другими странам мусульманского мира. Об этом также свидетельствует тот факт, что среди названий вооружения и военной техники встречаются названия священных мусульманских реликвий, а также наименования на персидском и арабском языках.

Такой подход при номинации оружия передает принцип дихотомии «свой-чужой», где под «чужим» понимается Индия, а под «своим» – мусульманский мир. Соответственно, годами подогреваемые пакистанским руководством «опасения», прежде всего, перед Индией, будучи характерным элементом стратегического мышления пакистанцев, нашли свое отражение в наименовании оружия Пакистана.

Разработчики индийского оружия при выборе наименований для различных видов вооружения и военной техники черпали вдохновение, прежде всего, в своей религии, в важнейших древнеиндийских

произведениях, мифологии. Выбор названий для индийского оружия, отражающий особенности национальной культуры, а также отсылающий к прошлому Индии, в частности, периоду, предшествовавшему началу мусульманских завоеваний в Южной Азии, может свидетельствовать о стремлении руководства подчеркнуть независимый характер Индии, её самодостаточность в выборе внешнеполитического курса.

Если подход к присвоению имен оружию в Пакистане намеренно подчеркивает направленность средств ведения боевых действий против Индии, то принцип номинации индийского оружия отражает отсутствие агрессивных намерений против какой-то определенной страны. Это подтверждает широту стратегического мышления индийского руководства, а также общий нейтральный посыл внешнеполитического курса Индии, что, в свою очередь, является проявлением её стратегической культуры.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Белокреницкий В.Я. Внешнеполитический процесс в Пакистане: внутренние и внешние детерминанты. *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 1 (10), с. 177–188.
Belokrenickiy V.Y. 2010. Foreign policy processes in Pakistan: Internal and external determinants. *Vestnik MGIMO*. № 1 (10). Pp. 177–188. (In Russ.)
2. Крюкова Е.В. Семантические особенности наименования оружия и техники России и стран НАТО. *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 1 (86), с. 305–309.
Kryukova E.V. 2021. Semantic features of the names of weapons and equipment in Russia and NATO countries. *World of Science, Culture, Education*. № 1 (86). Pp. 305–309. (In Russ.)
3. Лунев С.И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов. *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 1 (10), с. 189–201.
Lunev S.I. 2010. Foreign policy of India and the influence of internal factors on it. *Vestnik MGIMO*. № 1 (10). Pp. 189–201. (In Russ.)
4. Неру Д. Открытие Индии. М.: Изд-во иностранной литературы. 1955.
Neru D. 1955. The Discovery of India. (In Russ.)
5. Шикин В.В., Савичева Е.М. Хиндутва во внешней политике Индии: дань историческому прошлому или смена стратегических ориентиров? *Азия и Африка Сегодня*. 2017. № 1. С. 21–27.
Shikin V.V., Savicheva E.M. 2017. Hindutva in India's foreign policy: a tribute to the historical past or a change in strategic guidelines? *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 21–27. (In Russ.)
6. Fair C.C. 2014. Fighting to the End. The Pakistan Army's Way of War. New York: Oxford University Press.
7. India's Great Power Aspirations. <https://www.livemint.com/Opinion/LgqZJEXQfNf3ad8FpyCyTL/Indias-great-power-aspirations.html> (accessed 10.02.2023)
8. Iwanek K. 2020. Sultans on Wings: The Symbolism of Weapon Names in India and Pakistan. <https://thediplomat.com/2020/03/sultans-on-wings-the-symbolism-of-weapon-names-in-india-and-pakistan/> (accessed 09.02.2023)
9. Johnston A.I. 1995. Thinking about Strategic Culture. *International Security*. Vol. 19, № 4. Pp. 32–64.
10. Joshi P. 2015. What is in name? The politics of naming Pakistani Missiles. <http://www.indiandefencereview.com/what-is-in-name-the-politics-of-naming-pakistani-missiles/> (accessed 08.02.2023)
11. Nandkishor K. India's Strategic Culture – Myth or Reality: An Analysis. file:///C:/Users/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D1%8F/Desktop/Indias_Strategic_Culture_Myth_or_Reality.pdf (accessed 08.02.2023)
12. Rizvi H.-A. Pakistan's Strategic Culture. <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep12079.14.pdf> (accessed 09.02.2023)
13. Sagar R. Jiski Lathi, Uski Bhains. 2014. The Hindu Nationalist View of International Politics. *India's Grand Strategy: History, Theory, Cases*. Routledge.
14. Singh S. 1970. Pakistan's Foreign Policy. New York: Asia publ. house.
15. Tanham K.G. 1992. Indian Strategic Thought. An Interpretive Essay. Santa Monica.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Голубцова Екатерина Вячеславовна, кандидат исторических наук, факультет иностранных языков, Военный университет Министерства обороны РФ им. князя А. Невского, Москва, Россия.

Ekaterina V. Golubtsova, PhD (History), Faculty of Foreign Languages, The Prince Alexander Nevsky Military University, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 16.02.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 09.07.2023

Принята к публикации
(Accepted) 13.08.2023